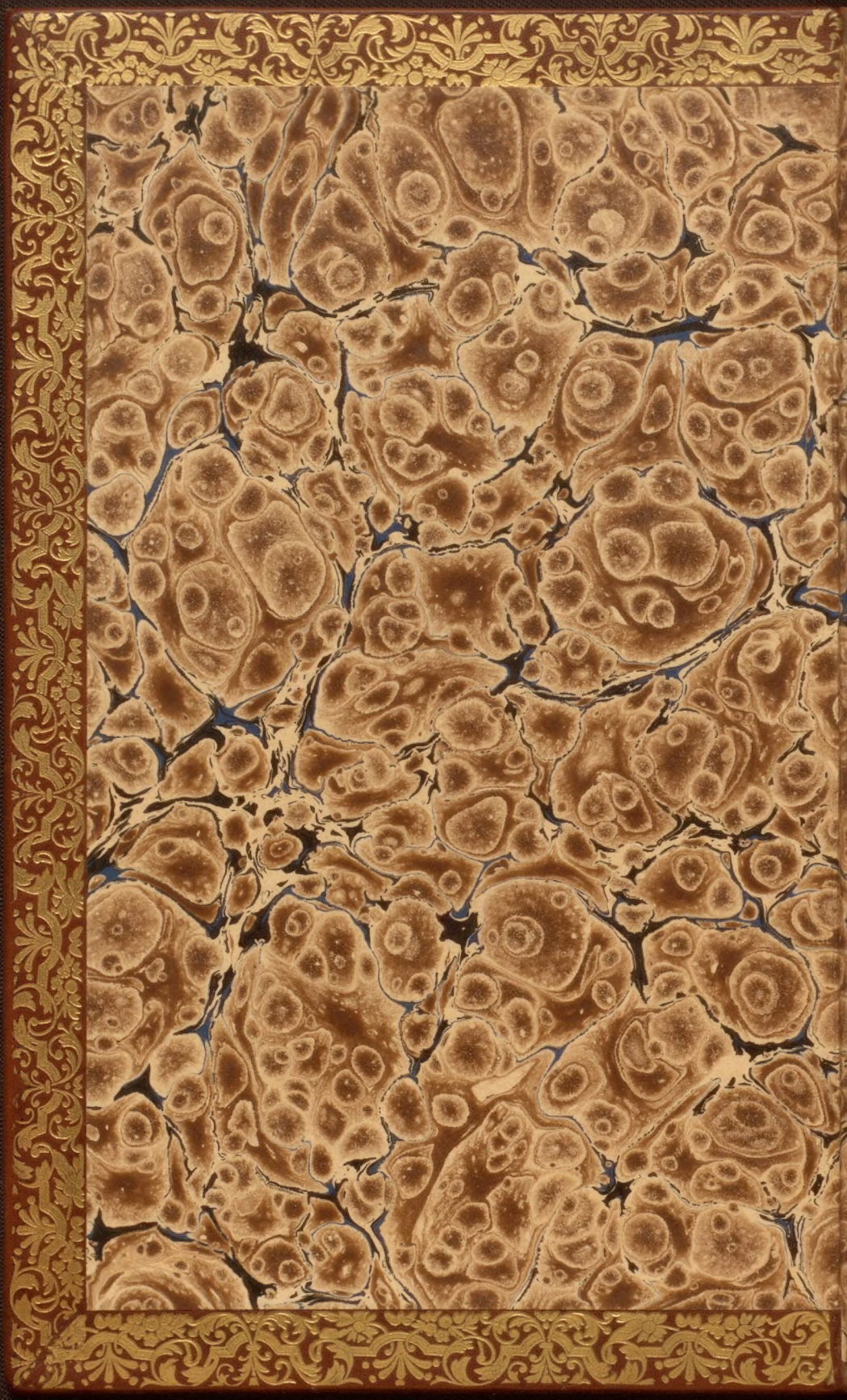

ДУХЪ
КАРАМЗИНА,
ИЛИ
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
И
ЧУВСТВОВАНІЯ СЕГО ПИСАТЕЛЯ.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ

НѢКОТОРЫХЪ ОБОЗРѢНІЙ

И ИСТОРИЧЕСКИХЪ ХАРАКТЕРОВЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГ. АКАДЕМІИ.

1827.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Генваря 31 дня, 1827 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ФГБУНБ-428

Народъ Славянской, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человѣка.

Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ими связь Гражданскую.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ

полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ благоденствіе Государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время долженствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ.

Первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ.

Въ тѣснѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри

гражданскаго корысполюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общею довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ бле-

стящія украшенія, древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровъ, вторая удовольствіе — и самые дикіе народы ищутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. . . . . .

Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, Славяне веселились, пѣли и забывали опасность. . . .

Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія кажутся древними: также и старинные припѣвы Русскихъ, въ коихъ величаются имяна боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастіи. Вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приближился къ

Имперіи и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляя уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянскою. Такъ вездѣ раждалось Стихотворство, изображая главныя склонности народныя.

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума сонnаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большой части уединенныхъ, раждаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслію о

Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, не отвратимыхъ никакою мудростію человѣческою, — хранить добрыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему однимъ образомъ, они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцевъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ покланялися *Творцу молніи*, Богу вселенныя. Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представить ему образъ Существа вышняго,

и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ языческихъ.

Грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства, и творитъ боговъ на всякомъ шагу, чтобы изъяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь!

Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покоряемыя, Славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія.

Русское болѣе всѣхъ другихъ образовано, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшано съ чужеземными словами. Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастли-

вое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы Государства.

Предки наши (*здѣсь говорится о первой азбукѣ, полученной Славянами отъ Грековъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ буквъ*) были обязаны Христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими правилами жизни, лучшею безъ сомнѣнія нравственностію, но и пользою самаго благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изобрѣтенія людей: мудрой живописи мыслей — изобрѣтенія, которое, подобно ясной зарѣ, въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣстило уже свѣтъ Наукъ и божественность разума.

Начало Россійской Исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и требуютъ Государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечь сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: и разсѣянныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакіею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра. Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Сей Герой (*Олегъ*), смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ и повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась потомству чудесною.

(*Здѣсь упоминается обстоятельство кончины Олеговой, вѣроятно баснословное*).

Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *Народъ стенялъ и проливалъ слезы.* Что можно сказать

сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ защитника. — Присоединивъ къ Державѣ своей лучшія и богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлоозера, устья Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ. Мудростію правителя цвѣтутъ Государства образованныя; то только сильная рука Героя основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бы-

піе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властителемъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза Государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наслѣдственныя, еще не утвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными?... Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы.

Все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость Державы и власть Государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Ольга овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными Пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу Имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. . . . . .

Преданіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, Исторія *Мудрою*. От-

мстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа учреждала порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до временъ Ольгиныхъ *воевали*: она *правила* Государствомъ.

Сей Александръ нашей древней Исторіи (*Святославъ*) мужественно боролся и съ врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ: равнялся суровою воинскою жизнію съ Героями Пѣснопѣвца Гомера, и снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изнурительные и все ужасное для нѣги, показалъ Русскимъ воинамъ, чѣмъ

могутъ они во всѣ времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ Полководцевъ, не есть примѣръ Государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе Государственнаго блага, и характеромъ своимъ плѣняя воображеніе Стихотворца, заслуживаетъ укоризну Историка.

Ярополкъ оставилъ для Исторіи одну память добродушнаго, но слабаго человѣка. Самая довѣренность его къ чести Владиміровой изъявляетъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который дѣйствуетъ единственно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защитить своего трона, ни умереть Героемъ, достоинъ сожалѣнія, а не власти.

Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ

мало по малу укоренялось Христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной Вѣры: ибо главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Ежели Греческой Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ закона Христіанскаго. Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и нерѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя Славяне признавали также и бытіе единаго

Существа высочайшаго (Бѣлаго Бога), но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, сколь любезной человѣку, Вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тьмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣчества.

Владиміръ, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Истинное ли увѣреніе въ святынѣ Христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XII вѣка, одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ Государями Византійскими, рѣшило его креститься? Извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воиномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самихъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры;

но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла Государственныя. Сей Князь, похитивъ Единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выслалъ многихъ опасныхъ Варяговъ изъ Россіи, но употребилъ въ ея пользу достоинства нѣкоторыхъ, отличивъ ихъ и саномъ и властію; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ Ятважскій; разширилъ предѣлы Государства на Западѣ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; старался просвѣтить Россію; населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ успѣхахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ отцомъ народа бѣднаго. Горестію

послѣднихъ минутъ своихъ заплатилъ за важную ошибку въ Политикѣ, за назначеніе особенныхъ для сыновей Удѣловъ.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія Скандинавскія, Нѣмецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданія Церкви и нашего перваго Лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ, память сего Великаго Князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпіи пировъ его и о могучихъ богатыряхъ его времени (*).

Сказки не Исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла

(*) Пѣвецъ *слова о Полку Игоревѣ* оплакиваетъ въ немъ и славу Россіи: «О! стонати Русской земли, помянувши первую годину и первыхъ Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ привоздити къ горамъ Кіевскимъ.»

Издатель.

Великаго и Князя Владиміра достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ Христіанству и любовію къ Наукамъ, живутъ донынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Что касается собственно до нравовъ сего времени (*отъ начала Государства до кончины Владиміровой*), то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ.

Россіяне IX и X вѣка славились на войнѣ корыстолюбіемъ и свирѣпостію; но Императоры Византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Несторъ называетъ Грековъ коварными.

Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внутри Государства: еще болѣе

увидимъ ихъ (во времена междоусобій); но чѣмъ же инымъ богата Исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей: купель Христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нравовъ. Онъ боялся, по человѣколюбію, казнить злодѣевъ, и злодѣйства умножились. . . .

Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелію нашихъ предковъ, и слово любимаго Вождя: *станемъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія*, вселило въ нихъ рѣшительность побѣдить или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ битвахъ. — Дома, и въ мирное время, они любили вселиться.

Между достопамятными чертами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣтимъ также отмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ граж-

данскихъ Вѣчахъ они имѣли первенство. Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ тѣломъ великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владиміра, и потомству своему оставилъ примѣръ благодарности, который дѣлаетъ честь имени Русскому.

Святополкъ кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россіею въ бѣдствіяхъ междоусобія;

не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой.

Внѣшняя политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но отмстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію упвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды*. Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ, *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *письменные* на языкѣ Славянскомъ.

Сей останокъ древности, подобный

двенадцати дскамъ Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи.

Законы Ярославовы весьма сходны съ гражданскимъ уставомъ Децемвировъ. Таже простота и краткость; но Римляне, будучи стѣснены въ Италіи на маломъ пространствѣ, имѣли нужду въ лучшей земской *исправѣ* (полиціи) и въ точнѣйшемъ означеніи недвижимой собственности. Не предвидя еще многихъ тяжбъ, весьма обыкновенныхъ въ долговременномъ гражданскомъ общежитіи, законодатели Римскіе опредѣляютъ уже мѣру дорогъ и пустырей между строеніями; опредѣляютъ также, что плодъ, упавшій съ вѣтви на чужую землю, принадлежитъ хозяину дерева! У насъ были совсѣмъ другія обстоятельства: малое число жителей и владѣнія обширныя. Римлянамъ надлежало скорѣе образоваться,

Россіянамъ долѣе сохранять естественную простоту правовъ. Во всѣхъ юныхъ обществахъ гражданскихъ родители имѣли власть неограниченную надъ дѣтьми своими: *въ двенадцати дскахъ* она утверждается закономъ: но въ Ярославовой *Правдѣ* нѣтъ объ ней ни слова: надобно думать, что сія власть была еще святѣе въ Россіи, когда законодатель не считалъ нужнымъ и говорить о шомъ.

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная Единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государ-

ство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго.

Онъ щадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей.

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго.

Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ, и слезы обыкновенно текли

изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный. Не менѣе хваляпъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкой сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами.* Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе*, имъ самимъ писанное для сыновей. Къ счастію сей остатокъ древности сохранился въ одной Харатейной Лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи.

Безъ сего завѣщанія, столь умно писаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, упѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на

любовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Естьли Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то можемъ отнести къ нему слова Цицероновы: *вѣкъ извиняетъ человѣка.* Считая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Мстиславъ забылъ наставленіе отца: «давъ клятву, исполняйте оную! (*)» Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая

(*) Онъ примирился со Всеволодомъ, давъ прежде клятву Ярославу наказать возмутителя.

обѣщъ, нарушаетъ законъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ.

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ всѣ цвѣтущія лѣта своей жизни. Разпространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли; умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ въ благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣ-

ческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, Юрьевъ Польской, *Переяславль* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ.

Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей и только любятъ хвалить добрыя; но Георгій безъ сомнѣнія отличался первыми, когда, будучи сыномъ Князя сколь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — столь, кажется, несчастныя — были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224 году *услышала о Татарахъ*...

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастію надлежитъ приписывать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила

своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости Печенеговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ.

Что касается собственно до правленія, то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противныхъ, Государственныхъ уставовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе Государи въ Россіи:

иногда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Княжеской власти или противился ея дѣйствію. Самовластіе Государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою Вѣча, нерѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели.

Художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уеди-

нешя и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія комет, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знаменитыя святостію мѣста, и пріобрѣтая географическія свѣденія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко славѣ отечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для мірянъ и Духовныхъ. Суздальскій Священникъ, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и жизнія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо

просвѣщеніе мірянъ; однакожъ и знатные свѣтскіе люди учились. Ярославъ, Константинъ отмѣнно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго Св. Ефросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ. Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о Полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія мірянином: ибо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали* или гласили славу на-

шихъ Витязей. Къ несчастію пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе *Слово о Полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ. Сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Стихотворству юныхъ народовъ.

Естьли бы Россія была единодержавнымъ Государствомъ (отъ предѣловъ Днѣстра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы въ могуществѣ никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, отъ ига Татарскаго, и находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимствуя

художества ея, просвѣщеніе, не опоздала бы отъ иныхъ земель Европейскихъ въ гражданскомъ образованіи. Торговля внѣшняя, сполъ обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада.

Сей отрокъ (*Чингисханъ*), воспитанный матерію въ простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить Государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими Искусствами, Науками и мудростію своихъ древнихъ Законодателей.

Совершенно покоривъ Тангутъ, Чингисханъ возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества.

(*Послѣ нашествія Батыева*).

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами (въ опустошенномъ Владимірѣ). Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей Князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстные знаки опустошенія не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить оное. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство.

Кіевъ славился не только въ Византійской Имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо Арабскіе Историки и Географы говорятъ о немъ въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхановъ, именемъ Мангу, былъ посланъ (Батыемъ) осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ Византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ, свидѣтельствовали гро-

зную силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ?

Батый съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ плѣнному Воеводѣ Россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Древній Кіевъ изчезъ, и на вѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать градовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ един-

ственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? Гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.

Великодушный Воевода Кіевскій Димитрій находился съ Батыемъ, и сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое Государство Венгерское. Батый уважилъ совѣтъ Димитріевъ, и вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей до-

стойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жилельствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана; однимъ словомъ, Россія испытала тог-

да всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и равствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые Историки говорятъ о превосходствѣ Моголовъ въ ратномъ дѣлѣ: древніе Россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя или съ иноплеменниками или съ единоземцами, не уступали какъ въ мужествѣ, такъ и въ искусствѣ истреблять людей, ни одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ народовъ. Но дружины Князей и города не хотѣли соединяться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять противъ полу-

милліона Батыева: ибо сей завоеватель безпрестанно умножалъ рапь свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго, и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось Государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей Татарскихъ какъ беззащитныя жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ Моголы славились и храбростію, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана, и сороколѣтними побѣдами.

Князья Россійскіе мало научились благоразумію въ несчастіяхъ, въ забвеніи

всѣхъ правилъ нравственности споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ Государства растерзаннаго!

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и счастіе своего юнаго Князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова.

(*Прославивъ себя въ битвахъ противъ Нѣмецкихъ Рыцарей и Литовцевъ, Александръ переѣхалъ во Владиміръ, княжитъ тамъ послѣ смерти отца своего*).

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи

въ Ордѣ; и Россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ Княземъ: даже стращали имъ Моголовъ.

(*Батый зоветъ его въ станъ свой*).

Александръ любилъ отечество болѣе своей Княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ, и презирая личную опасность не менѣе тщеславія, поѣхалъ въ станъ Могольскій.

Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно Ярославу, ѣхать въ Тартарію къ Великому Хану. Сіи путешествія были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убранства и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній пред-

ставлялись взору одне кладбища народовъ кочующихъ. Можетъ быть, въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: Скиѳы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало Князей Россійскихъ въ Татаріи? униженіе и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для Государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего, и думали, что они также, можетъ быть, на вѣки проспились съ любезнымъ отечествомъ.

Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концемъ своимъ Александръ думалъ уже единственно о Богѣ.

Митрополитъ Кирилъ, свѣдавъ о кон-

чинѣ Великаго Князя, въ собраніи Духовенства воскликнулъ: «солнце отечества закатилось!» Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: «не стало Александра!» Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невской казался необходимымъ для Государства. Не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ Историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего

Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразительнѣе *Великаго*: ибо *Великими* называютъ обыкновенно *счастливыхъ*: Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна (Калиты) на престолъ Великаго Княженія, миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы перестали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіяне на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговремянныхъ — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обы-

ковенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе, заняпые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно прудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро Государственное есть безопасность и покой, честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы,

которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи.

Новый Митрополитъ, Ѳеогностъ, основалъ свою каѳедру въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія исперзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея Государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія Государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купелію Христіанства для

Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра.

Іоаннъ (Калита) кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указалъ наслѣдникамъ путь къ Единовластію и къ величію. Но справедливо хваля его за сіе Государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, Москвитяне славили его благость, и прощаясь съ нимъ во гробѣ,

орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ тайныхъ и былъ вообще правосуденъ. Жители другихъ областей Россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ.

—⁂—

Древняя Русская пословица: *близъ Царя близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество посило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ Милостію

Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ Даниловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою.

Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Тартаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ наслажденія роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и нѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію. Въ такомъ расположеніи серебро долженствовало быть ихъ главнымъ или единственнымъ идоломъ. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе,

умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока (*Димитрій Донской*) взяла кормило Государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоанновичь и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осто-

рожнымъ благоразумiемъ, съ тою смѣлою рѣшительностiю, коими немногiе Государи славятся въ Исторiи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось немало времени для приведенiя ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, еслiи бы Провидѣнiе не даровало Димитрiю пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величiе Россiи.

Калита и Симеонъ готовили судьбу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечь. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя Геніемъ Россiи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу уничиженному возвратилъ благородство духа. Сiе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: Судьба испы-

пываетъ людей и Государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной (Куликовской) произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею на вѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича (брата его) *Храбрымъ*, и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно,

къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

(*Предъ битвою съ Мамаемъ*) Князь спѣшилъ принять благословеніе Сергія, Игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя (*). Сей святый старецъ,

(*) Авторъ въ другомъ мѣстѣ такъ говоритъ о сей нынѣ славной обители: «Святый

отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе.

(*Въ нашествіе Тохтамыша*). Самъ Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго Пастыря: онъ былъ иноплеменникъ!

Сергій, рожденный въ несчастныя времяна нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ натуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію!* . . . Но святый Угодникъ, какъ говоритъ

Воспитанный среди опасностей и шума воинскаго, Димитрій не имѣлъ знаній почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія; силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ Государственныхъ; словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ, и будучи младенецъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его

почтенный Историкъ Лавры, сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имяни своего. Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сея обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіянской Религіи.

смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каждый Россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпанный хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза въ низъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу всетворящему.

Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московскаго (Василія Димитріевича): надлежало прервать или облегчить цѣпи, возложенные Ханами на Россію — удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить Великое Княженіе присоединеніемъ къ оному Удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичь дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась правилъ умѣренности, боясь излишней торопли-

вости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ Государственнаго могущества.

(*О Тамерланѣ*).

Будучи сыномъ одного ничтожнаго Князька въ Имперіи Чагатайскихъ Моголовъ, и рожденный во дни ея паденія, когда безначаліе, раздоры, властолюбіе Эмировъ предали оную въ жертву завоевателю, Хану Кашгарскому, и Гетамъ или Калмыкамъ, онъ въ первомъ цвѣтѣ юности взялъ на себя избавить отечество отъ неволи, возстановить величіе онаго, наконецъ завоевать вселенную и громомъ славы жить въ памяти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ, и разрушающихъ древнія

зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ.

Не хотѣвъ мечемъ покорять ни Рязани, ни Твери, Василій имѣлъ рѣшительное большинство надъ Князьями ихъ и слѣдственно приближался къ Единовластію въ Россіи; усиливъ Державу Московскую пріобрѣтеніями важными, сохранилъ ея цѣлость отъ хищности Литовской, и менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ платилъ дань Моголамъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ ошибку въ Политикѣ, давъ отдохнуть Витовту, разбитому Ханомъ; можетъ быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь съ Ордою, и вмѣстѣ съ

Олегомъ Рязанскимъ ударить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго Ханское. Но всѣ ли обстоятельства намъ извѣстны? Успѣхъ предпріятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій, Государь шести или семи нынѣшнихъ Губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ ея лучшею, многолюднѣйшею, половиною и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы, собрать другое? Великій Князь, безъ сомнѣнія, не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ); но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему Государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; без-

временная, неудачная, губитъ Державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность, и не искалъ имени *Великаго*.

Василій (*Васильевичь Темный*) имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ Государствованія, онъ зависѣлъ отъ Совѣта Боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія, Великое Княженіе Московское при Василіѣ Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть уничиженіе своего Вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ Престола, спасли знаменитость Москвы и Россію.

Хитрость, рѣдкій даръ слова и великій умъ честолюбиваго Грека (Исидора), имѣвъ столь много дѣйствія на Флорентійскомъ Соборѣ, гдѣ ученѣйшая Греція сопрязалась съ Римомъ, оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ оному, и что неизмѣняемые Догматы отцевъ лучше всякихъ новыхъ мудрованій.

Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не имѣлъ ни твердаго правленія, ни ясной политической системы.

Слабая народная Держава можетъ существовать только союзомъ съ сильными: ослѣпленный Новгородъ досаждалъ всѣмъ и не имѣлъ друзей.

Витовтъ, славнѣйшій тогда изъ Государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на югѣ и западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и Князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами Государственнаго правоученія; нынѣ давалъ, завтра отнималъ безъ вины; не искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію, и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и нерѣдко оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной

супруги. Съ нимъ, по словамъ Историка Польскаго, возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго, къ счастію Россіи, которая безъ сомнѣнія погибла бы навѣки, естли бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе.

(*При нашествіи Царя Казанскаго.*) Ополченіе, предводимое внуками Донскаго и Владиміра Храбраго, состояло не болѣе, какъ изъ 1500 Россіянъ, естли вѣрить Лѣтописцу; силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства; земля оскудѣла не людьми, а умомъ Правителей.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ судьбою сему Великому Князю, не исполнилась: ему надлежало испытать люті-

шее, въ доказательство, что и на самой землѣ бываетъ возмездіе по дѣламъ каждаго.

Шемяка (*ослѣпитель Вел. Кн.*) не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы Государственной, въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность Москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ на вѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемякинѣ*, до нынѣ употребительной.

Димитрій (Шемяка) хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Василіеву Крестомъ и Евангеліемъ, такъ, чтобы не оставить ему на выборъ ни-

чего, кромѣ рабскаго смиренія, или ада. Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ какъ бы примиренный съ Судьбою, и въ слѣпотѣ оказывая болѣе Государственной прозорливости, нежели доселѣ, Василій началъ утверждать власть свою и силу Московскаго Княженія.

Василій преставился на сорокъ седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ Самодержцемъ Россійскимъ со временъ Владиміра Мономаха, однакожъ дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего пре-

емника: началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его; терялъ честь и Державу, но оставилъ Государство Московское сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донскаго.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ.

Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіянская любовь къ тихой, безмолвной жизни разширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дополѣ пустыни, не приступныя для спрастей человѣческихъ.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи, какъ ихъ собственнымъ. Впрочемъ жалѣя о Греціи, они ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Имперіи было для нихъ опасно. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: Улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; Ливонскіе Нѣмцы и Шведы занимали единственно Новогородцевъ и Псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ чуждый, предметъ одного любопытства, а не Государственнаго вниманія.

(*Состояніе Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III*).

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: свер-

женіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы Государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явились въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной державы, не испроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ и въ порядкѣ Государственномъ, она имѣла наставниковъ

совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? Театромъ Помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства, слабости Вѣнценосцевъ, дерзости Бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не надолго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, разпространили ея торговлю. Селенія и города откупались отъ утѣснительной власти Бароновъ; Государи по собственному

движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промышленности и для самыхъ правовъ; лучшая Исправа (Полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Іустиніанова Кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для Европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка Латинскаго доставляло способъ и Духовнымъ и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ

Княжескихъ междоусобій, такъ, что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ Государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни; къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись

Правительствами ; возникали Университеты для высшихъ наукъ ; разумъ пріучался къ созерцанію , къ правильности мыслей ; нравы смягчались ; войны утратили свою прежнюю свирѣпость ; Дворянство уже стыдилось разбоевъ , и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ , великодушіемъ , честію ; обходительность , людскость , учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія , терзаемая Моголами , напрягала силы свои единственно для того , чтобы не исчезнуть : намъ было не до просвѣщенія !

Если бы Моголы сдѣлали у насъ тоже , что въ Китаѣ , въ Индіи , или что Турки въ Греціи ; если бы , оставивъ степь и кочеваніе , переселились въ наши города : то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ Государства. Къ счастію , суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали;*

не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые *Послы Ординскіе* и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обходились съ нами, какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? Нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали гораздо корыстолюбивѣе, и гораздо безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій)! отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ;

кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; тапьба сдѣлалась общею язвою собственности. Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпенѣніе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ, и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: «не убивайте виновнаго; жизнь «Христіянина священна:» не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ, Димитрій, уставилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ инаго способа устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей.

Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ: иго Татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины Государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствительнѣе стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? — Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней Исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной злобы; чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожъ дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ

пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что Россіяне видѣли въ нихъ бичь гнѣва Небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей Вышней мести, подобно какъ чернь домыслъ мыслитъ, что не льзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне не однократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; недоставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ иными благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде Князья дѣйствовали мечемъ: въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: Герой Донской битвы о вѣнцахъ

Мученическихъ. Если мы въ два ополѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе Вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени Русскаго мы возвышали себя именемъ Христіанъ, и любили отечество какъ страну Православія.

Внутренній Государственный порядокъ измѣнился; все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ Царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ легко и тихо, чего не здѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III. Во Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ Вѣчевый коло-

колъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о вѣчѣ Московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная Государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать Тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ Княжескихъ чиновникахъ, но и въ Князьяхъ.

Происхожденіе нашихъ Бояръ теряется въ самой глубокой древности: сіе достоинство могло быть еще старѣе Княжескаго, означая випязей и гражданъ знаменѣйшихъ, которые въ Славянскихъ Республикахъ предводительствовали вой-

сками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ Государемъ: но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ Бояръ какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые Княжескіе Бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ Грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтверждалась законная свобода Бояръ переходить изъ службы одного Князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, Боярин съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичъ, въ Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія. Однимъ словомъ, сіи Государственные сановники издревле казались народу мужами верховными, и занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую Аристократію. Но когда южная Россія обратилась

въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число Владѣтельныхъ Князей уменьшилось, а власть Государева сдѣлалась неограниченѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ Бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ Бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ Князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго: сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться Князю. — Однимъ словомъ, рождалось Самодержавіе.

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и Бояръ,

оказалась величайшимъ благодѣяніемъ Судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли Государя Единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались ими во время раздробленія Государства, и бореніе двухъ властей, Княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался Диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные соймы народные, ни медленныя думы Аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляе-

мый силою Правителей. Власть Боярская производила у насъ *Боярскія смуты*. Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость Государю, но часто волнуется и сластями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе Князей Россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ Ханами. Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ Единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

Исторія свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе Княженій необходимо для ихъ Государственнаго благоденствія? Нѣкоторые Вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже

и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ Государственной цѣлости! Установилось лучшее право наслѣдственное; древніе Удѣлы возвращались къ Великому Княженію: но снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, оно въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ Государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы Московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое *братское старѣйшинство* Великаго Князя состояло въ томъ, что Удѣльные Владѣтели, имѣя свои особенные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Хановъ. Но сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда обоюдной; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя грамоты, законно

искать управы мечемъ. Народъ, граждане, Бояре Удѣльные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіѣ Темномъ. Однакожъ Великій Князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ Читателю, какими средствами?

Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичь, отказалъ Переславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго Князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять Хана Узбека, присоединилъ къ своей

области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ Великое Княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверскаго, сдѣлался истиннымъ Главою всѣхъ иныхъ Князей, обязанный тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытное: *иго Татаръ обогатило Казну Великокняжескую*, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани, и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростію Князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: Баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ Владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ. Народъ жаловался, однакожъ платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удо-

влетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даниловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные Князья, подверженные наглости Моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые *Окупные Князьки* оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами. Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами Великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ Ханомъ... Сей Герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы — и на-

слѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, чествимый въ Ордѣ, возвратился оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ *древнее Суздальское Великокняженіе Боголюбскаго* во всей полнотѣ онаго, и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространилъ Московскую Державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того усилена внутри твердѣйшимъ началомъ Самодержавія. Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: Князья Московскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи! Ярославъ обуздывалъ народъ и Бояръ своимъ величіемъ: смиренные тиранствомъ Хановъ, они уже

не спорили о правахъ съ Государемъ Московскимъ, требуя отъ него единственно покоя и безопасности со стороны Моголовъ; видѣли прежнихъ владѣтельныхъ Князей слугами Донскаго, Василія Димитріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о своей древней вольности.

Исторія не терпитъ Оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется. Нашествіе Батыево, кучи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное, составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ Государствъ; однакожъ и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны. Лучше, если бы кто нибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ Единовластія въ Россіи, и правилами

Самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибе[illegible]ю нашего отечества: Литва, Полыша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и Государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ.

Одинѣмъ изъ достопамятныхъ слѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженіе Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто, изъ уваженія къ

Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ Св. Алексій Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ Государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ обителяхъ, и мѣняя одежду Княжескую, Боярскую, на мантію Инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ. Всякой, готовясь умереть, что нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ординскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ,

оставалось еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскіе Святители употребляли Софійскую казну въ пользу Государственную; но Митрополиты наши не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость: Иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но и достояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма не многіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Однакожъ, не смотря на свою знамени-

тость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, коимъ справедливо укоряетъ Исторія Духовенство Западной Церкви, и служа Великимъ Князьямъ въ Государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь *меча мірскаго*, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ Христіянской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность Государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые. Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы.

умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіянскія и Государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыево время благословляли Россіянъ на смерть великодушную, при Димитріѣ Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ, Митрополитъ Іона, взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ, и наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близкую независимость Россіи. — Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Политиками Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила Государственная. Въ западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую отъ того, что имѣла дѣло съ народами полудикими — Готѳами, Лонгобардами — которые,

овладѣвъ ими и принявъ Христіянство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями; а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти Государей и выгодамъ Духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ домашней жизни, въ языкѣ Россіянъ? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали въ Улусахъ, а Вельможи и купцы Ординскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но Татары были сперва

идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными*; и чѣмъ удобнѣе принимали Византійскіе, освященные для насъ Христіянствомъ, тѣмъ болѣе гнушались Татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ Европейскимъ, нежели Азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала: но для того, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а мы остались, какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ одеждѣ нашей и западныхъ народовъ: то же безъ сомнѣнія могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія Князей Варяжскихъ все

въ главныхъ чертахъ сдѣлалось Нѣмецкимъ, смѣшеннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ Славянскихъ: къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ Грековъ. Древній характеръ Славянъ являлъ въ себѣ нѣчто Азіатское; являетъ и донынѣ: ибо они, вѣроятно, послѣ другихъ Европейцевъ удалились отъ Востока, кореннаго отечества народовъ. Не Татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ Азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у Славянъ и Россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ: но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенеговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя

Татарскими, коихъ сдвали отъищется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ. Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Татары не вступались въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ Государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и Дворянъ: недовольные ими жаловались ему; ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о Приказахъ. Отъ Намѣстника зависѣли Дворскіе и Сотники: первые судили холопей, вторые поселянъ; такъ было и въ Удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ Княженій рѣшились Боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми: въ случаѣ ихъ несогласія назначался посредникъ, или *Третейскій судъ*, коего рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, повидимому, твердаго основанія и большею частію за-

висѣло отъ произвола судящихъ. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты Княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя (*). . . . . .

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части Государственнаго благоустройства: чему виною были замѣшательства и непостоянство въ Правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались умень-

---

(*) Мѣста, выпущенныя здѣсь, заняты въ Твореніи Карамзина подробностями весьма значительными, но относящимися болѣе къ повѣствовательной части, которая не входитъ въ составъ сей книги.

нать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы согласно съ древними обыкновеніями и безъ всякихъ письменныхъ общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы Греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ Европейскихъ около десятаго вѣка; но въ пятомъ-надесять, имѣя училища законовѣдѣнія и Римское Право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко насъ опередила.

Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: Крестовые походы, духъ Ры-

царства, долговременныя войны и наконецъ образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ; а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники Государственные: Бояре *Старшіе*, *Большіе*, *Путные* (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе), *Окольничіе* или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были испытнымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались *Дворомъ Великокняжескимъ*. Вторый многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался *Дѣтьми Боярскими*. Въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Опроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ. Всякой древній, областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и дѣтей Боярскихъ, ко-

шорые составляли воинскую дружину первыхъ. Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда. Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150,000 ратниковъ; но для сего требовалось усилій необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже стоялъ подъ Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: Государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Иностранные Писатели говорятъ, что Россіяне сего времени сражались подобно Моголамъ: «не стоя на мѣстѣ, а на «скаку дѣйствуя стрѣлами и копьями, «то нападая, то вдругъ отступая.» Но лѣтописи наши доказываютъ противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожъ

мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемыя *большія* или Княжескія знамена подъ защитою Дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ Герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбростію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сраженіи со Шведами и съ Ливонскими Меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣдителя Болгаровъ, Олегова и Мамаева: чѣмъ въ

Государствованіе Темнаго отличались Князь Василій Оболенскій и Московскій Дворянинъ Ѳеодоръ Басенокъ. Однакожъ Россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига Ханскаго, но рѣдко въ битвахъ: видимъ много убійствъ, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Россія, не смотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей Моголами, въ XIV и въ XV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній славный *путь Греческій* для насъ закрылся: открылись новые пути торговли, съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ *Сурожанами*,

по имени Сурожскаго или Азовскаго моря: ибо онѣ привозились къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ *съ суконниками*, которые продавали Нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новагорода, гдѣ цвѣла торговля Ганзейская. За сіи иностранныя произведенія мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцевъ. Еще непроходимые, дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятагонадесять вѣка бобры, козы, лоси витали на свободѣ: лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ. Россія, скудная людьми — отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы — пѣмъ болѣе

изобиловала дикими сокровищами Природы, коихъ источники всегда изсякаютъ отъ возрастающаго многолюдства. Ординскіе купцы живали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они доставляли намъ товары ремесленной Азіи и лошадей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и Пермскихъ) множество ловчихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ, привозимыхъ въ Великое Княженіе изъ Двинской земли. Вѣроятно, что Россіяне передавали Моголамъ и Нѣмецкія сукна, такъ же, какъ Нѣмцамъ плоды Азіатскаго ремесла. Казань заступила мѣсто древняго Царства Болгарскаго: купцы Московскіе и другіе торговали въ ней съ Востокомъ. — Ханы для своихъ выгодъ покровительствовали у насъ торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили Ординскую дань. Славный Венеціянскій путешественникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года въ Великой Тартаріи,

въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ *о хладной* Россіи, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками*: мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ Нѣмецкихъ купцевъ и чрезъ Юргу изъ Сибири. Новогородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6000 фунтовъ серебра, а Виновну дѣйствительно заплатили около шестидесяти пудовъ: что прежде открытія Америки было весьма много. Не знаемъ за подлинно, сколько мы ежегодно давали Ханамъ; однакожъ извѣстно, что въ 1384 году съ каждой *деревни* собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра: а *деревня* состояла тогда обыкновенно изъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ. Кромѣ сего земледѣльцы вносили въ казну Великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы,

рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли опимѣнить мордки или *куны*, древнія наши *ассигнаціи*, бывшія не менѣе пяти сотъ лѣтъ въ обращеніи, и весьма полезныя для успѣховъ промышленности за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ сихъ кожанныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева: тогда упали куны, ибо Моголы не хотѣли ихъ брать вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими Россіянами, которые уже не признавали достоинства *мордокъ*: что прежде называлось *купами*, стало называться

деньгами — и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія перемѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей: такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія Государственныхъ постановленій. Владѣтельные Князья, опредѣляя легкія за-

конныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: «а купцамъ торговать *безъ рубежа «или безъ зацѣпокъ.*» Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: Новогородскіе хмѣлемъ и льномъ, Новоторжскіе кожами, Галичане и Двиняне солью. Соль Галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне въ 1364 году также завели было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцевъ прозорливыхъ.

Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже Венценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествія въ Италію, не было

у насъ никакихъ Государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: однакожъ, черезъ торговыя связи Новогорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять харгію или пергаментъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у Нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный. Москва и Галичь оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городовъ. — Къ художествамъ Русскимъ прибавилось одно новое: монетное; по крайней мѣрѣ со временъ Ярослава Великаго мы не имѣли онаго. Монетчики назывались *денежни-*

ками. — Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя церкви, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что Св. Ольга жила въ каменномъ дворцѣ: въ Москвѣ же, кромѣ церквей и городскихъ стѣнъ, не было ни одного каменнаго зданія до XV вѣка: ибо Князья и Вельможи предпочитали деревянные домы какъ благопріятнѣйшіе для здоровья. Сверхъ того частые мятежи и Государственныя неустройства отвращали самыхъ богатыхъ людей отъ мысли строить долговременно и прочно; гдѣ нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ рѣдко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій Архіепископъ Евфимій въ 1433 году поставилъ у себя на дворѣ *каменную съ тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а Митрополитъ Іона такую же въ 1449 году, съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ; первую строили Нѣ-

мецкіе Аркитекторы. — Среди нынѣшней Москвы находилось еще не мало рощей и луговъ. Князья, Бояре имѣли свои мѣльницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множествѣ слугъ, въ богатой одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ погребахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго меда; а всего болѣе въ созиданіи храмовъ и въ драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о слугахъ, замѣтимъ, что Великіе Князья, умирая, обыкновенно давали своимъ холопямъ волю: такъ поступали и другіе знатные люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшенный памятниками Византійскихъ художествъ, оживляемый стеченіемъ купцовъ иностранныхъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, превосходилъ Москву пятаго надесять вѣка во многихъ отношеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожъ не столько, чтобы умъ лишился всей животворной силы своей и не ока-

зывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не престава́ла дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ Московской Патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой Словесности. Знаніе Еллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго Духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемградомъ. Такимъ образомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ Политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то есть, не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ Духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали Иноковъ о предметахъ Христіанства

и нравственности, о самыхъ Государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: ибо тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усердіемъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. Волынскій лѣтописецъ приводилъ мѣста изъ Гомера: Московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ. Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ Грековъ всемірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; на примѣръ: о *храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана — *о Синагрипѣ* Царѣ *Адоровѣ* — *о витязяхъ древности* — *о богатствахъ Индіи*, и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть Арабская (изданная на Французкомъ языкѣ въ продолженіи *Тысячи одной ночи*): вѣроятно, что она въ XIII или XIV вѣкѣ была переведена на Русской съ Греческаго. Между

тогдашними произведеніями собственной нашей словесности достопамятны пиитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*, хотя и менѣе стихотворно. . . . . .

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. . . . . .

Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.

Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изрѣченій Св. Писанія, которыя врѣзывались въ память людей, Россія имѣла особенную систему нравоученія въ своихъ народныхъ пословицахъ. Многія изъ оныхъ несомнительно относятся къ сему времени. Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты,

наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что въ случаѣ нужды можемъ опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый купецъ, Боярин, рѣдко грамотный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейственную пословицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мѣлкими ручейками. — Вѣроятно, что и нѣкоторыя народныя пѣсни Русскія въ

особенности историческія о благословенныхъ временахъ Владиміра Святаго, были сочинены въ вѣки нашего рабства Государственнаго, когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества. Русской поетъ въ веселіи и въ печали. — Вообще языкъ нашъ отъ XIII до XV вѣка пріобрѣлъ болѣе чистоты и правильности. Оставляя употребленіе собственнаго Русскаго, необразованнаго нарѣчія, Писатели тщательнѣе держались Грамматики церковныхъ книгъ или древняго Сербскаго, коего памятникъ есть наша Библія, и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ; однакожъ, подобно Лѣтописцу Нестору, ошибались иногда и на употребленіе: отъ чего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота, освященная древностію, такъ, что мы и нынѣ въ одной книгѣ, на одной стра-

ницѣ пишемъ *злато и золото, гладъ и голодъ, младость и молодость, пію и пью.* Еще не время было для Россіянъ дать языку ту силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ выспренными успѣхами разума въ мирномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ, съ богатствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности: по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность. Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожъ не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и имѣетъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что оно назначило Россіи быть долговѣчною.

Отселѣ (отъ начала Княженія Іоанна III) Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно Государственной, описывая уже не безсмысленныя драки Княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе изчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ,

предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ дворамъ знаменитымъ; посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Цари Азіатскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Грецiя оказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней худо-

жествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіянъ.

Іоаннъ на двѣнадцатомъ году жизни былъ женатъ, на осмнадцатомъ уже имѣлъ сына, а на двадцать второмъ сдѣлался Государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъявлялъ осторожность свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой отважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣрными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячно-

сти и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный Судьбою возстановить Единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не счипалъ всѣхъ средствъ дозволенными.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріатическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи обнимая умомъ Государственную систему Державъ (*), сей Монархъ готовилъ знаменитость внѣшней своей Политики утвержденіемъ внутренняго состава Россіи. — Ударилъ послѣдній часъ Новогородской вольности! Сіе важное произшествіе въ нашей Исторіи достойно описанія подробнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ возсѣлъ на престолъ съ мы-

(*). Авторъ начинаетъ сей параграфъ, описавъ посольства: Ливонское, Крымское, Ордынское, Персидское и Венеціанское.

сію оправдать титулъ Великихъ Князей, которые со временъ Симеона Гордаго именовались *Государями всея Руси*; желалъ ввести совершенное единовластіе, истребить Удѣлы, отнять у Князей и гражданъ права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, пристойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія торжественныхъ условій, безъ насилія дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнялъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: Великій Князь могъ бы тогда покорить сію область; но мысль, что народъ, вѣками приученный къ выгодамъ свободы, не отказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московскаго, нужныя для внѣшней безопасности; что должно старые на-

выки ослаблять новыми и стѣснять вольность прежде уничтоженія оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ утомленные страхомъ будущихъ утѣсненій, склонились предпочесть ей мирное спокойствіе неограниченной Государевой власти. Іоаннъ простилъ Новогородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть Княжескую въ дѣлахъ судныхъ и въ Политикѣ; но, такъ сказать, не спускалъ глазъ съ сей народной Державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несогласіе между Боярами и народомъ, являлся въ правосудіи защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если Намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ частныхъ людей, то онъ винилъ недостатокъ древнихъ законовъ Новаго-

родскихъ, хотѣлъ самъ быть къ нимъ, изслѣдовать на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздать утѣснителей, и (въ 1475 году) дѣйствительно, призываемый Младшими гражданами, отправился къ берегамъ Волхова.

Паденіе Державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ: такъ было и въ Новѣгородѣ. Правители не имѣли ни любви, ни довѣренности гражданъ; пеклися только о собственныхъ выгодахъ; торговали властію, тѣснили непріятелей личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и друзьямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобы ихъ воплемъ заглушать на вѣчѣ жалобы утѣсненныхъ.

Между тѣмъ рѣшительный судъ Великокняжескій полюбился многимъ Новогородцамъ.

Умное правосудіе Іоанново плѣняло сердца тѣхъ, которые искали правды и любили оную: утѣсненная слабость, оклеветанная невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть, истиннаго Монарха, или судію непричастнаго низкимъ побужденіямъ личности: они желали видѣть судную власть въ однѣхъ рукахъ его. Другіе, или завидуя силѣ первостепенныхъ сограждан, или ласкаемые Іоанномъ, внутренно благопріятствовали Самодержавію.

. . . . . .

Новогородцы терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже *закономъ*; что древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ*, упразднитъ навсегда смыслъ, и что Московскіе Тіуны будутъ рѣшить судьбу ихъ. Древнее Вѣче уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней

мѣрѣ существовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Іоанну значило торжественно и навѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться Великому Князю, но въ угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ остріемъ меча, готоваго казнить всякаго по мановенію Самодержавца.

Но Іоаннъ не любилъ уступать.

Медленный въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполненіи, Іоаннъ или не дѣйствовалъ или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами.

Новгородъ покорился Іоанну, болѣе шести вѣковъ слывъ въ Россіи и въ Европѣ Державою народною или Республикою, и дѣйствительно имѣвъ образъ Демократіи: ибо Вѣче гражданское при-

своивало себѣ не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, смѣняло не только Посадникомъ, Тысячскихъ, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; давало имъ власть, но не подчиняло ей своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ; даже съ Московскими Государями, даже съ Іоанномъ заключало условія, *взаимною* клятвою утверждаемыя, и въ нарушеніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычествовало какъ собраніе народа Аѳинскаго или Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лице Новагорода, который *именовался Государемъ*. Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые Писатели — но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Гларуса, надлежитъ искать образцевъ Новогородской поли-

пической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшить все важное или чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ.

Умъ, сила и властолюбіе нѣкоторыхъ Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донскаго, сына и внука его, обуздывали свободу Новогородскую, однакожъ не перемѣнили ея главныхъ уставовъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Исторія Новогородская составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли

свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришелцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемгра-

домъ, еще въ XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открывъ себѣ путь до Сибири, и горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ намъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіянской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ произведеній дикой Натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла Европейскаго, первыя открытія Искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Алек-

сандръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаяся въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: *кто противъ Бога и Великаго Новагорода?* Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань Ординскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый

омерзеніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаютъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говорятъ ему: «мы умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ «съ тобою на Святополка и на Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возми все, «что имѣемъ.» Здѣсь Посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убіицъ, посланныхъ вонзить ему мечь въ сердце, и велитъ нести себя больнаго на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиненъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію сограждан всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни. Тутъ достойный Архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ Новогородцевъ

дѣньми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга. Въ битвахъ съ врагами иноплеменными Посадники, Тысячскіе умирали впереди за Святую Софію. Святители Новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами Пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты, и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался *Владычнимъ*; будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ, и не боялись ни гнѣва Митрополитовъ, ни мести Государей Московскихъ. Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣ-

ренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: *Новогородская честь*, *Новогородская душа*, служило иногда вмѣсто клятвы. — Республика держится добродѣтелію, и безъ нее упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось упраною воинскаго мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя, и почти свободный отъ ига Татаръ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Кали-

ты. Богатые Новогородцы спали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ Властелина. Ополченія Новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Литовскаго или Московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя

самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однакожъ Исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо Государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, Государь Московскій поставилъ одну грань своего Царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала исто-

чники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. — Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ «возстановить свободу Рима, если бы «Римъ могъ пользоваться ею.» Историкъ Русскій, любя и человѣческія и Государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокру- «шить утлую вольность Новогород- «скую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей «Россіи».

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго Княженія: слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленіе нашей Государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Большей или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой Политики, которая

неусыпно искала дружбы Хановъ Таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву.

Услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, по условію съ нимъ напалъ на Литовскую Подолію, и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣйствія съ Ахматомъ.

Іоаннъ выступая съ войскомъ былъ въ положеніи Димитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, Воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія: но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска,

развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *отъ нетерпѣнія*: ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовтъ, презирая остатки Капчакскаго Ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой опрометчивости, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сія мысль казалась благоразумiемъ Великому Князю и нѣкоторымъ изъ Бояръ, такъ что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву. . . . . .

Ханъ, свѣдавъ о разореніи Улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю. Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, Великій Князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость Государства.

Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя Царей; но Россія уже не поклонялась имъ, и знаменитая столица Батыева, гдѣ наши Князья болѣе двухъ вѣковъ раболѣпствовали Ханамъ, обратилась въ развалины, донынѣ видимыя на берегу Ахтубы: тамъ среди обломковъ гнѣздятся змѣи и ехидны.

Славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе Ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего (*).

Народъ славилъ твердость нашего духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Славная память его осталась навѣки неразлучною съ памятію нашей свободы.

(*) Но Іоанны могутъ думать, что тайныя дѣйствія ихъ не сокроются отъ Карамзиныхъ, которые возвѣстятъ о нихъ потомству.

Издатель.

Письмо его къ Іоанну достойно великой души безсмертнаго мужа.

Іоаннъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія желалъ бы провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ея родителемъ и супругомъ (Королемъ Литовскимъ); но онъ зналъ свою обязанность: еще сидѣлъ на тронѣ, слѣдственно долженъ былъ мыслить только о благоденствіи отечества, не измѣрялъ вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣлъ далѣе гроба и хотѣлъ жить въ ея величіи.

Болѣзнь Іоаннова усилилась. Подобно великому своему дѣду, Герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть Государемъ, а не Инокомъ; склоняясь отъ престола къ могилѣ, еще давалъ повелѣнія для блага Россіи, и тихо скончался 27 Октября 1505 года въ первомъ часу ночи.

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ Государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народа: онъ есть Герой не только Россійской, но и Всемірной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго на время состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на театрѣ политическомъ въ то время, когда новая Государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной или Помѣстной. Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія,

свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португаллія цвѣла, пріобрѣтая богатства успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и тонкою Политикою. Безпечность и равнодушіе Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максимиліанъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить Домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіянъ властолюбіе Баязета. Со-

единеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ Монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза — сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плетпенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго граж-

данскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ Державъ — вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гутенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Коломбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей Естества и для философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой Природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторіею Америки объяснилъ для себя Всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницае-

мымъ, и темные объ ней слухи раждали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гама, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Коломбъ Америку. Сіи два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи Государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ Государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по

крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественнаго духа Государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ни что не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія Государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы; невольно

уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ Татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Импера-

торамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя Царство Батыево, тѣсня, обрывая Липву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая удѣлы, разширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чужыдя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; ис-

калъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ ни кому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ Политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска: Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ, обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число рапниковъ); принималъ въ службу и многихъ Литов-

скихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою рѣкою въ особенной слободѣ. Съ его времяни также начинаются *Розряды*, которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ*: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или Запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но предводитель Большаго полку былъ главнымъ. Не дозволяя Вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ; Государь еще менѣе терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ѣздили грабить: Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею или торговою казнію. Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и Воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и

Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. «Сватъ мой» — говорилъ объ немъ Стефанъ Молдавскій — «есть «странный человѣкъ: сидитъ дома, ве«селится, спитъ покойно и торжеству«етъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и «въ полѣ, а не умѣю защитить земли «своей.» То есть, Іоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скиптромъ искуснѣе, нежели мечемъ. Имѣя выспренній умъ для Государственной Науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Стрига, Щеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ Вѣнценосцахъ. Одна необходимая для Государственной цѣлости и

независимости война есть законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласнаго съ нашимъ благомъ.

Внутри Государства онъ не только учредилъ Единовластіе — до времени оставивъ права Князей Владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою Вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго,

ничаго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго. Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все сдѣлалось чиномъ или милостію Государевою. Между Боярскими дѣтьми придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельможъ. — Предсѣдательствуя на соборахъ Церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя Главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ пріемѣ ихъ Посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* Монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые *съ сего*

времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и спротивныхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу Второму, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели Монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ Государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова: что просители боялись итти ко трону; что Вельможи препепали и на пирахъ во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ ча-

самъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться. — Уже замѣтивъ строгость Іоаннову въ наказаніяхъ, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскіе и духовные, лишаемые сана за преступленія, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго Князя, Дворянина Хомутова и бывшаго Архимандрита Чудовскаго, за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Іоаннова.

Исторія не есть похвальное слово, и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ какъ человѣкъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ какъ Государь на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность

есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? славу. Іоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе,

Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго ; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ : оба безъ сомнѣнія велики ; но Іоаннъ , включивъ Россію въ общую Государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ , не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ , о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ Науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства , хотѣлъ единственно великолѣпія , силы ; и другимъ иноземцамъ не загораждалъ пути въ Россію , но единственно такимъ , которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ Посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость , какъ пристойно великому Монарху , къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь , но

въ Исторіи Петра – должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества.

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ политикѣ внѣшней и внутренней.

Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ — первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ Государственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ пра-

вилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размѣренными благоразумiемъ, безъ порывовъ страсти, и приближился къ цѣли, къ величiю Россiи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; бывъ не геніемъ, но добрымъ правителемъ, любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношенiи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Василiи сохраняютъ, утверждаютъ Державы и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнiю.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное, взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствитель-

но болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ. Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною.

Лѣтописцы называютъ его *добрымъ, ласковымъ Государемъ*: имя скромное, но умилительное, и простота его ручается за его истину.

Уже давно Псковитяне зависѣли отъ Государя Московскаго въ дѣлахъ внѣшней Политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но Государь дотолѣ

уважалъ изъ законы, и Намѣстники его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала Вѣчу, и многія тяжбы рѣшились народными чиновниками, особенно въ пригородахъ: одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ Вѣча искоренилъ все старое дерево самобытнаго гражданства Псковскаго, хотя и поврежденное, однакожъ еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народъ болѣе сѣтовалъ, нежели совѣтовался: необходимость уступить являлась всякому съ доказательствами неопровержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя, но безъ дерзости. Послѣднія торжественныя минуты издыхающей свободы благопріятствуютъ великодушію; но разсудокъ уже обуздываетъ сердце.

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный Славянами — Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не

зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ *вторымъ Новымгородомъ*, называясь его *меньшимъ братомъ*; ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію; подобно ему бѣдный въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею снискалъ богатство, а долговременною связію съ Нѣмцами художества и вѣжливость; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваніи отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій, питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; не измѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ Князей, желалъ отвратить гибель Новогородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиды и досады; будучи остороженъ,

являлъ и смѣлую отважность великодушія; сдѣлался жертвою непремѣннаго Рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ Новогородскихъ братьевъ.

Взятіе Смоленска, говоритъ Лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному славолюбію Государя: но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнились; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ Единовѣрія, облегчили для Великаго Князя сіе важное завоеваніе.

(*Присоединеніемъ Рязани и Сѣверскаго Княжества*) навсегда прекѣклись Удѣлы въ Россіи, хотя не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ, общеполезныхъ дѣяніяхъ Государственныхъ видимъ примѣсь страстей человѣческихъ, какъ бы для того, чтобы Исторія не представляла намъ идоловъ, будучи Исторіею людей или несовершенства.

—

Сіе время (*Государствованія Василія*), будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ вѣнценосцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими Государями *современными*, ка-

ковы были Максимиліанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрихъ VIII, Густавъ Ваза: можемъ прибавить къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Всѣ они, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на театрѣ міра. Ужасаемая могуществомъ Оттоманской Имперіи, волнуемая бореніемъ Франціи съ силами Испаніи и Австріи, Европа въ то же время была потрясена Церковнымъ мятежемъ, который скоро сдѣлался Государственнымъ. Уже Духовная власть, или Папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ запад-

ныхъ Державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обратиться къ истинному Духу Христіянства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный Инокъ, Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать Папу Антихристомъ: уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи Святыни, и не смотря на Церковныя клятвы, Соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую Вѣру, хотя также на Евангельскомъ ученіи, но съ отверженіемъ многихъ важныхъ, значительныхъ обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ Христіянства и безъ сомнѣнія полезныхъ: ибо люди имѣютъ не только разумъ, но и воображеніе, не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе, лишивъ оное торжественности, и какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ и духъ молящихся устремляются отъ ве-

личія Олтарей, отъ таинственнаго священнодѣйствія Литургіи, сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму, нежели усердія къ Сіону; ссылаясь единственно на Христа и Апостоловъ, не подражалъ имъ въ кротости: подвергая Догматы Церкви суду ума, говорилъ языкомъ страстей, и лишивъ Папу Духовной власти во многихъ земляхъ Германіи, въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ, въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи, самъ представлялъ лице начальника Церковнаго, обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному, а земнымъ расчетамъ Правителей: удерживая имя Христіянъ и Святыню Евангелія, новымъ исповѣданіемъ они свергали съ себя иго зависимости отъ гордаго, взыскательнаго, корыстолюбиваго Рима; присоединяли дани и пошлины Церковныя къ своимъ

доходамъ, и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться Духовнаго запрещенія. Многіе толкователи всемірныхъ происшествій говорятъ о Лютеранской вѣрѣ какъ о великомъ благодѣяніи для человѣчества: она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ оными; но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя Секты Христіянскія, отчасти вредныя для самыхъ Правительствъ и спокойствія гражданскаго. Генрихъ VIII, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру: оставилъ Римское Исповѣданіе и сдѣлался Главою Англиканскаго, связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской власти, и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любострастію перемѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному Христіянству, то и ревно-

стные Католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемѣріи, въ обманахъ и въ беззаконіи.

Сія важная перемѣна Церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современныхъ Богослововъ: объ ней разсуждали въ Москвѣ; и Грекъ Максимъ написалъ Слово о Люперовой ереси, гдѣ, не хваля мірскаго властолюбія Папъ, строго осуждаетъ новости въ Законѣ, внушаемыя страстями человѣческими.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ Самовластіе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. «Скажетъ, и сдѣлано», говоритъ Герберштейнъ: «Не «знаю, свойство ли народа требовало «для Россіи такихъ Самовластителей, «или Самовластители *дали* народу та«кое свойство». Безъ сомнѣнія *дали*, чтобы Россія спаслась и была великою

Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тиранніею*: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тиранніл* есть только злоупотребленіе Самодержавія, являясь и въ Республикахъ, когда сильные граждане или сановники утѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ*: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастіе народное.

«Рабство было» по словамъ Герберштейна «общимъ въ Россіи: ибо и са-

«мые Вельможи назывались *холопями* «Государя;» но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопи, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военноплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности. Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію*; могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна Государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка*, уже *гражданина покровительствуемаго закономъ*. Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не каза-

лась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или новую крѣпость: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ итти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ. Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя, переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыспо-

любивые господа или помѣщики: ни гдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*: въ XVI вѣкѣ *крестьянами*, то есть *Христіянами*, но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши тираны, Батыевы Моголы, поносили Россіянъ симъ именемъ.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не ужели никогда не бывало въ Россіи крестьянъ — *владѣльцевъ*? по крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, воины и купцы — то есть, *городскіе жите-*

ли — искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ наемщикамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государевой, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не Вѣръ и не языковъ, а

человѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: «хорошее отъ всякаго хорошо,» и никогда не была впорымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ.

Языкъ нашъ, то есть, Славянскій, былъ въ сіе время извѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адріатическаго моря, Воспора Оракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Ренегаты, Мамелюки. Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, Исторію Римскихъ Императоровъ (вѣроятно Светонову), Марка Антонія и Клеопатры. Успѣхи словесности примѣчались въ чистѣйшемъ

слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосѳеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: извѣстно славное посланіе его къ Іоанну. Житіе Св. Даніила Переяславскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно. Особеннаго замѣчанія достойны два слова: первое о рожденіи Царя Іоанна, второе, похвальное Василію; въ томъ и въ другомъ есть прекрасныя мѣста. . . . . .

Мы предложили Читателю (*) не точныя *слова*, но *точныя* мысли *Авторовъ*: слова принадлежатъ вѣку, а мысли вѣкамъ.

Замѣтимъ, что древніе Русскіе *писцы* имѣли болѣе гордости, нежели Писате-

---

(*) Въ VII томѣ Исторіи Россійскаго Государства.

ли: первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики: знаемъ творенія, не зная творцевъ.

Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его, но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтнаго Властителя; никогда — если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила Государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славила добродѣтели Великой

Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проницаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря; но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общею?

Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей Олигархіи, которой мущительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гонителей. Само-

держецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ коимъ надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти.

Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости, въ малолѣтство Государя Самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостію; но сколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердіи къ добру, необходима для Государственнаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нѣтъ Правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной.

Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней Политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому

возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ Вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лице свое. Народъ безмолствовалъ на стогнахъ: тѣмъ болѣе говорили въ тѣсномъ, для пирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружества о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ. Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ Великимъ Княземъ на богомолье въ монастыри; но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ. — Ко гласу оскорбляемой добродѣтели присоединялся и гласъ зависти: одинъ Телепневъ былъ истиннымъ Вельможею въ Думѣ и въ Государствѣ; другіе, старѣйшіе, назывались только именемъ Бояръ: никто не имѣлъ заслугъ, если не могъ угодить любимцу Двора.

Желали перемѣны — и Великая Княгиня, юная лѣтами, цвѣтущая здравіемъ вдругъ скончалась. Современникъ Баронъ Гербершгейнъ, въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно, что Елену отравили ядомъ. Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну *справедливую месть*; но ее нѣтъ ни для сына противъ отца, ни для подданнаго противъ Государя: а Елена, по малолѣтству Іоанна, законно властвовала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, Исторія: ихъ ненавидятъ въ жизни, клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны опровергнуть необходимый уставъ Монархіи, что особа Вѣнценосцевъ *неприкосновенна*. Тайна злодѣянія не уменьшаетъ его.

Телепнева уморили голодомъ, какъ правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства,

и лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу. Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще недовольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость Государей.

Россія, уже дѣйствительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапныхъ* нападеній (*): мы хотѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пустѣли, и Государство лишалось главной своей драгоцѣнности: людей! Только опыты вѣковъ приводятъ

(*) Авторъ сказалъ это послѣ описанія внезапнаго нашествія Царя Казанскаго, описанія занимающаго одну изъ безсмертныхъ страницъ его Творенія.

истинныя мѣры Государственной безопасности въ твердую систему.

Воспитанная въ тишинѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ перенесенную на театръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и все относя къ Богу, поклонялась Ему и въ Царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы — матери.

Прервавъ веселые пиры Двора, Великій Князь и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру. Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной

праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочинным. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ Вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи Царства, и не зналъ, что Государь истинно-независимый есть только Государь добродѣтельный.

Честные Бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славили его мудрость. Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремить-

ся на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Желая уподобиться во всемъ Великому Іоанну III, желая, по его собственному слову, быть *Царемъ правды* — онъ не только осприлъ мечь на враговъ иноплеменныхъ, но, въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ Государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ не многіе Вѣнценосцы пріобрѣли истинную, безсмертную славу: *законодательствомъ*. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и Государственной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая

полная система нашихъ древнихъ законовъ. Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было, и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ — и безъ учености, безъ теоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка.

(*Взятіе Казани*). Такъ пало къ погамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитѣйшихъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны, гдѣ издавна съѣзжались купцы Армянскіе, Хивинскіе, Персидскіе (и гдѣ онъ донынѣ сохранился: донынѣ Казанскіе Татары, потомки Золотой Орды и Болгаровъ, имѣютъ купеческія связи съ Востокомъ). Около 115 лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ неутомимо враждовали, отъ перваго ихъ Царя, Махмета, у коего прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ея спрашный бунтъ

и не могъ отмстить за кровь Россіянъ, тамъ проліянную. Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго Новагорода до Перми, люди вѣчно береглися какъ на отводной стражѣ. Самая месть стоила намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство Государственнаго блага, усиленное ревностію Вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій восторгъ, и Лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ Стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ *ве-*

ликому зрѣлищу Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осѣняемой хоругвями, украшаемой церквами Православія, оживленной (послѣ ужасовъ кровопролитія, послѣ безмолвія, смерти) присутствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ трофеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на стогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ, въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!* (*)

Сей Монархъ озаренный славою, до

(*) Кого любовь къ отечеству и къ добродѣтели никогда еще не заставляли проливать слезъ умиленія и восторга, тотъ долженъ читать *возвращеніе Іоанна въ столицу послѣ завоеванія Казанскаго Царства.*

Издатель.

восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго Царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель, имѣлъ только 22 года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ... Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Вѣнценосца.

(*Смута Бояръ во время болѣзни Царя*).

Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ (*въ случаѣ смерти больнаго Царя, вмѣсто младенца Димитрія, сына Іоаннова, избрать на Царство брата, избѣгая смутъ Боярскихъ*), лѣ-

потомство справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовластно испровергнуть наслѣдственный уставъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія; но бываютъ душею порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердынею Державъ. Предвидѣніе ослушныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго устава Государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностію наслѣдственнаго права, столь важнаго въ Монархіяхъ.

Дѣйствія Природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова! Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ дополѣ поддайныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; Государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства (*)! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣя-

(*) Въ повѣствованіи сказано, что возмущеніе Бояръ доводило его до сей крайности.

Издатель.

тельность Природы, и болящій выздоровѣлъ; къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ..... Могъ ли Самодержецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти?...

Что же сдѣлалъ Іоаннъ? Всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ Боярамъ. . . . . .

Такова была наружность: но въ сердцѣ осталась рана опасная. ...

Шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, онъ не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть въ продолженіе времени.

—

Громкое имя *покорителя Царствъ* дало Іоанну, въ глазахъ Россіянъ — современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ Государственное достоин-

ство, плѣняя честолюбіе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскіе недостатки наши въ сравненіи съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россіею Іоанна IV: первый имѣлъ только 5000 воиновъ для ея защиты, а вторый взялъ чуждое Царство (*Астраханское*) отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями минуло едва столѣтіе, и народъ могъ естественно возгордиться столь быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо Государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго соображенія съ новѣйшими временами, когда все

измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и насажденія. Великія усилія раждаютъ великое: а въ твореніяхъ Государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, примкнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ея торговля и политическое вліяніе распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцовъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ.

Связь наша съ Британіею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ Политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію.

Открытіемъ Англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта

начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Нарельскомъ устьѣ.

Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія воевала съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Нѣкоторые изъ Думныхъ совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева; и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячь побѣдителей

готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходитъ, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою.

(*Смерть Анастасіи.*) Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой опрады въ сей день печали. Іоаннъ шелъ за гробомъ. Онъ спеналь и рвался: одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіянина... Но еще не зна-

ли, что̀ Анастасія унесла съ собою въ Могилу!

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели.

Вѣроятно ли, чтобы Государь любимый обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы, низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства? Но свидѣтельства добра и зла равно убѣдительны, неопровержимы.

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе во первыхъ природными свойствами людей, во вторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ,

нежели твердымъ или основательнымъ Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной Вѣрѣ: ибо самые дерзкіе развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами пронять, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась; но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный

имъ за мудрые совѣты, Государь престалъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для Монарха... Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ Государю и къ добродѣтели: новые только къ Государю, и казались тѣмъ любезнѣе.... Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ тропомъ и не даютъ народу видѣть Царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ тоже время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя Го-

сударю быть умѣреннымъ въ счастіи: ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишно строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтися. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ, въ гнѣвѣ на одного воеводу, сказалъ Вельможамъ: «теперь уже не боюсь васъ!» Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ Царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣн-

ную вѣрность въ любви ко благу. Хотя Государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ пропиворѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Адашева заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ чрезъ два мѣсяца умеръ горячкою къ радости своихъ непріятелей... мужъ незабвенный въ нашей Исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному *сказанію его друзей*: ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію Царя и погибъ съ нею... феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искрен-

няго благолюбія, коего божественное вдохновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тьмѣ невѣжества, и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому. — Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ, и собственными руками обмывалъ ихъ, усердно исполняя долгъ Христіянина и всегда памятуя бѣдность человѣчества.

Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: *спасаться отъ мучителя*; но горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству! Юный, бодрый Воевода, въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта, участникъ всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, Герой

подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ Башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ Царя, возложилъ на себя печать стыда и долгъ на Историка вписать гражданина столь знаменитаго въ число Государственныхъ преступниковъ. То былъ Князь Андрей Курбскій. Сей мужъ злополучный лишилъ себя выгоды быть правымъ и главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ: внутренняго чувства добродѣтели. Онъ могъ безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища отъ гонителя въ самой Литвѣ: къ несчастію сдѣлалъ болѣе: присталъ ко врагамъ отечества. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ, онъ предалъ ему свою честь и душу; совѣтовалъ, какъ губить Россію; упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ его дѣйствовать смѣлѣе, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ насъ Хана — и скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000

Липовцевъ, Ляховъ, Прусскихъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ, съ измѣнникомъ Курбскимъ идущъ къ Полоцку; что Девлетъ-Гирей съ 60,000 хищниковъ вступилъ въ Рязанскую область...

Иноки въ присутствіи убійцы (*Скуратова*) погребли вѣликаго Іерарха Церкви Россійской (Филиппа), украшеннаго вѣнцемъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни новая, ни древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго.

Россіяне взяли приступомъ Виттенштейнъ; но Царь лишился друга: Малюта Скуратовъ умеръ честною смертію воина, положивъ голову на спѣнѣ, какъ бы въ доказательство, что его

злодѣянія превзошли мѣру земныхъ казней!

Кончина двухъ супругъ Царя, столь несходныхъ въ душевныхъ свойствахъ, имѣла слѣдствія равно несчастныя: Анастасія взяла съ собою добродѣтель Іоаннову; казалось, что Марія завѣщала ему превзойти самаго себя въ лютыхъ убійствахъ.

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячь добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати-шести тысячамъ полумертвыхъ Ляховъ и Нѣмцевъ, — въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностію къ корысти и благородною любовію ко славѣ, пріобрѣла новое Царство для Россіи, открыла *вторый новый міръ* для Европы,

безлюдный и хладный, но привольный для жизни человѣческой, ознаменованный разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ Естества, гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы и камни драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсовъ витаютъ пушистые звѣри, и сама Природа усѣваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ; гдѣ судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и плодоносныя цвѣтущія долины, осѣненныя высокими тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолюбивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ представить новые успѣхи гражданской дѣятельности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ народамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать излишекъ ихъ многолюдства. — Три купца и бѣглый Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ Царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь.

Ермакъ увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ, и, не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ... Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!.... Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее: Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!

Кучумъ вошелъ въ пустой городъ Сибирскій, снова царствовать и снова лишиться Царства... Тамъ не осталось Россіянъ: остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили Россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ Каменнаго Пояса до Сѣверной Америки и восточнаго Океана, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, надлежало сой-

тися предѣламъ нашего отечества съ предѣлами Испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна Китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для Государства, населять ими пустыни — ихъ руками, отъ узъ свободными, извлекать сокровища изъ нѣдръ земли, и нерѣдко исправлять сихъ злощастныхъ, къ утѣшенію человѣчества.

—⁂—

(*Кончина Іоанна*).

Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Ког-

да же рѣшительное слово: « не стало Государя! » раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно... онъ много ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Ѳеодорову и боялся худыхъ ея слѣдствій для Государства, или платя Христіянскій долгъ жалости усопшему Монарху, хотя и жестокому?... На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ Св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ — и для современниковъ опустилась на ѳеатръ завѣса: память и гробы остались для потомства!

Между иными тяжкими опытами судьбы, сверхъ бѣдствій Удѣльной Системы, сверхъ ига Моголовъ, Россія должна была испытать и грозу Самодержца-мучителя: устояла съ любовію къ Самодержавію: ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву

и землетрясеніе и тирановъ; не преломила желѣзнаго скипетра въ рукахъ Іоанновыхъ, и двадцать четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы въ лучшія времена имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (Исторія не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ Греки въ Термопилахъ, за Отечество, за Вѣру и Вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные Историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто бы уничтоженныхъ ею: сіи заговоры существовали единственно въ смутномъ умѣ Царя, по всѣмъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей и бумагъ Государственныхъ. Духовенство, Бояре, граждане знаменитые не вызвали бы звѣря изъ вертепа Слободы Александровской, если бы замышляли измѣну, взводимую на нихъ

столь же нелѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ, тигръ упивался кровію агнцевъ — и жертвы, издыхая въ невинности, послѣднимъ взоромъ на бѣдственную землю требовали справедливости, умилительнаго воспоминанія отъ современниковъ и потомства!

Не смотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, Героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ; если бы Калигула, *образецъ Государей и чудовище*, — если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, *предметъ любви, предметъ омерзенія*, не царствовали въ Римѣ. Они были язычники; но Людовикъ XI былъ Христіянинъ, не уступая Іоанну въ свирѣпости, ни въ наружномъ

благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія: оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азіятскимъ и Римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка: сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго развратa, да видя содрагаемся! Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его Исторія всегда полезна для Государей и народовъ: вселять омерзеніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною Дѣписатель можетъ, въ правленіи Самодержавномъ, выставить на позоръ такого Самовластителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны; но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ Исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ

иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія (*), веля уму безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія.

Такъ Іоаннъ имѣлъ разумъ превосходный, не чуждый образованія и свѣденій, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова, чтобы безстыдно раболѣпствовать гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя рѣдкую память, зналъ наизусть Библію, Исторію Греческую, Римскую, нашего отечества, чтобы нелѣпо толковать ихъ въ пользу тиранства; хвалился твердостію и властію надъ собою, умѣя громко смѣяться въ часы страха и безпокойства внутренняго; хвалился милостію и щедростію, обогащая любимцевъ достояніемъ опальныхъ Бояръ и граж-

---

(*) См. Исторію Французской Революціи.

Авторъ.

данъ; хвалился правосудіемъ, карая вмѣстѣ съ равнымъ удовольствіемъ, и заслуги и преступленія; хвалился *духомъ Царскимъ, соблюденіемъ державной чести*, велѣвъ изрубить присланнаго изъ Персіи въ Москву слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна, и жестоко наказывая бѣдныхъ царедворцевъ, которые смѣли играть лучше Державнаго въ шашки или въ карты; хвалился наконецъ глубокою мудростію Государственною, по системѣ, по эпохамъ съ какимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ испребляя знаменитые роды, будто бы опасные для Царской власти — возводя на ихъ степень роды новые, подлые, и губительною рукою касаясь самыхъ будущихъ временъ: ибо туча доносителей, клеветниковъ, Кромѣшниковъ, имъ образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, изчезнувъ, оставила злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ Россіянъ, то

безъ сомнѣнія не возвысило его и царствованіе Іоанново.

Но отдадимъ справедливость и тирану: Іоаннъ въ самыхъ крайностяхъ зла является какъ бы призракомъ великаго Монарха, ревностный, неутомимый; часто проницательный въ Государственной дѣятельности; хотя, любивъ всегда равнять себя въ доблести съ Александромъ Македонскимъ, не имѣлъ ни тѣни мужества въ душѣ, но остался завоевателемъ; въ Политикѣ внѣшней неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣреніямъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ, самъ нерѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшилъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, сановниковъ безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и стыдомъ; не терпѣлъ гнуснаго пьянства. Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой лести; славился благоразумною терпимостію Вѣръ; изъявлялъ уваженіе

къ Искусствамъ и Наукамъ, лаская иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ Академіи, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учились грамотѣ, Закону, даже Исторіи, особенно готовясь быть людьми Приказными, къ спыду Бояръ, которые еще не всѣ умѣли тогда писать. Наконецъ Іоаннъ знаменитъ въ Исторіи какъ законодавецъ и Государственный образователь.

Въ заключеніе скажемъ, что добрая слава Іоаннова пережила его худую славу въ *народной памяти*: спенанія умолкли, жертвы истлѣли, и старыя преданія затмились новѣйшими; но имя Іоанново блистало въ Судебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе трехъ Царствъ Могольскихъ: доказательства дѣлъ ужасныхъ лежали въ книгохранилищахъ, а народъ въ теченіе вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь, какъ живые монументы Царя-Завоевателя; чтилъ

въ немъ знаменитаго виновника нашей Государственной силы, нашего гражданскаго образованія; отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*, не различая внука съ дѣдомъ, какъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну. Исторія злопамятнѣе народа!

«Первые дни по смерти тирана» (говоритъ (*) Римскій Историкъ) «бываютъ счастливѣйшими для народовъ»: ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый

(*) Тацитъ.

Вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность, въ послабленіе вредное Государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тѣмъ болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Іоаннова, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностію безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника* и *молчальника*, болѣе для келліи и пещеры, нежели для власти Державной рожденнаго: такъ, въ часы искренности, говорилъ о Ѳеодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго, старшаго сына. Не наслѣдовавъ ума Царственнаго, Ѳеодоръ не имѣлъ и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ росту малаго, дряблъ тѣломъ, лицемъ блѣденъ; всегда улыбался,

но безъ живости; двигался медленно, ходилъ не ровнымъ шагомъ, отъ слабости въ ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ естественныхъ и душевныхъ. Угадывая, что сей двадцати семилѣтній Государь, осужденный Природою на всегдашнее малодѣтство духа, будетъ зависѣть отъ Вельможъ или Монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранства, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безначалія, козней и смутъ Боярскихъ, менѣе губительныхъ для людей, но еще бѣдственнѣйшихъ для великой Державы, устроенной сильною, нераздѣльною властію Царскою.... Къ счастію Россіи, Ѳеодоръ, боясь власти какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило Государства рукѣ искусной — и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостію Божіею,

благоденствіемъ, златымъ вѣкомъ: ибо наступило послѣ Іоаннова!

. . . . . .

Ѳеодоръ мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мятежемъ (*Шуйскихъ противъ Бѣльскаго*), видя необходимость мѣръ строгихъ для Государственнаго устройства, и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе нежели совѣтника и помощника: искалъ, на кого возложить всю тягость правленія, съ отвѣтственностію предъ единымъ Богомъ, и совершенно отдался смѣлому честолюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хитрости, слѣдуя единственно чувству, зная умъ, не зная только злыхъ, тайныхъ наклонностей Годунова, Ирина утвердила союзъ между Царемъ, неспособнымъ властвовать, и подданнымъ, достойнымъ власти. Сей мужъ знаменитый находился тогда въ полной силѣ тѣлесной и душевной, имѣя

32 года отъ рожденія. Величественною красотою, новелипельнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ Вельможъ (какъ говоритъ Лѣтописецъ), Борисъ не имѣлъ только.... добродѣтели: хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: естли бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ Исторіи добрую славу Борисову.

... Установилась новая верховная степень въ нашей Іерархіи (*Патріаршест-*

во), чрезъ 100 лѣтъ испроверженная Самодержцемъ великимъ, какъ безполезная для Церкви и вредная для Единовластія Государей, хотя разумный учредитель ея не далъ тѣмъ Духовенству никакой новой Государственной силы, и перемѣнивъ имя, оставилъ Іерарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ Исторію Никона, и *раздѣлилъ*, чтобы ослабить, власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоанново или древнѣйшія, *одинъ* Митрополитъ управлялъ Россійскою Церковію. Петръ царствовалъ, и хотѣлъ только слугъ: Годуновъ, еще называясь пожаннымъ, искалъ опоры: ибо предвидѣлъ обстоятельства, въ коихъ дружба Царицы не могла быть достаточна для его властолюбія и — спасенія; обуздывалъ Бояръ, но читалъ въ ихъ сердцѣ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ;

имѣлъ друзей : но они имъ держались , и съ нимъ бы пали , или измѣнили бы ему въ превратности рока ; благотворилъ народу , но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недоброжелательныхъ побужденій къ добру , и зналъ , что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на Бояръ и Духовенство. Годуновъ на мѣстѣ Петра Великаго могъ бы также уничтожить санъ Патріарха; но , будучи въ иныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ польстить честолюбію Іова титломъ высокимъ , чтобы имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйшаго и знаменитѣйшаго пособника : ибо наступалъ часъ рѣшительный , и самовластный Вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго !

Естли бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе , имѣя все , кромѣ Ѳеодоровой

короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ Царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ — о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матеріею и родными въ явной, хотя и честной ссылкѣ, въ ненависти къ Правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? Монастырь Годунова? Темница или плаха — того, кто мановеніемъ двигалъ Царство, ласкаемый Царями Востока и Запада! .... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, коихъ опасался Правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія?

Но Годуновъ еще томился душевнымъ гладомъ и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію; упоенный счастіемъ и могуществомъ; волшебнымъ для души самой благородной; кружась на

высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ въ Россійской Державѣ, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ; сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ; долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію Царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престолъ казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы Божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго Державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ немъ сердце, такъ, что онъ наконецъ непрестанно занимался ею. Лѣтописецъ сказываетъ, будто бы онъ открывалъ вну-

прешность души своей мнимымъ мудрецамъ своего вѣка (гадателямъ). По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ самаго себя: зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти бездѣтнаго Царя, располагая волею Царицы, наполнивъ Думу, Дворъ, Приказы родственниками и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности великоименитаго Іерарха Церкви, надѣясь также на блескъ своего правленія и замышляя новыя хитрости, чтобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не страшился случая безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюриковыхъ до Ѳеодоровыхъ: трона упраздненнаго, конца племени Державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой Династіи, и твердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго Вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени Царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ, между собою и пре-

столомъ, одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца!... Гибель Димитріева была неизбѣжна!

Ѳеодоръ предчувствовалъ близкій конецъ свой, и часъ насталъ.

Нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто бы ускорилъ сей часъ отравою. Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзѣніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признательность смиряетъ и льва яростнаго; но если ни святость Вѣнценосца, ни святость благотворителя не могли остановить изверга, то онъ еще могъ бы остановиться, видя въ бренномъ Ѳеодорѣ явную жертву скорой естественной смерти, и между тѣмъ властвуя, и ежедневно утверждая власть свою какъ неотъемлемое достояніе... Но Исто-

рія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

Такъ пресѣклось на тронѣ Московскомъ знаменитое Варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ, — отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огнь и кровь, достигнувъ господства надъ Сѣвероиъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ Властителей и народа, счастіемъ и промысломъ Божіимъ!...

Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества Бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной; такъ, что ни одно назначеніе Воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось

безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году) уже слышала топотъ Ханскихъ коней, а Воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ. Изъ любви къ мнимой чести не боялись безчестія истиннаго: ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно, иногда и безъ суда. Князя Боратинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дни въ темницу: онъ не смирился; вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самою Политикою Царей: ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе, нужное и въ Монархіи неограниченной для ревностной службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка совершенно безсмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ

дѣйствіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злому правилу: *раздоромъ властвуй*! Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную ненависть между знатнѣйшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми. Они враждовали: Борисъ господствовалъ!

Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой: свободу въ назначенный срокъ переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обрабатывать часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего перехода, который часто обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не давалъ

имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа общественнаго, — умножалъ число бродягъ и бѣдность: пустѣли села и деревни, оставляемыя *кочевыми* жителями; домы обитаемые, или хижины, падали отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правительъ хвалился льготою, данною имъ состоянію земледѣльцевъ въ отчинахъ Царскихъ и, можетъ быть, въ его собственныхъ: безъ сомнѣнія желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ — желая утвердить между ими союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ, не раздѣльномъ — онъ закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Что̀ожъ было слѣдствіемъ? Негодованіе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли

о древней свободѣ; хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ, безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочныхъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ.

Упрекая Россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однакожъ ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ, и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивитель-

нымъ: ибо чѣмъ изъяснишь ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ Вѣры, о коемъ спорили и Философы и Богословы? Равнодушіемъ ли къ ея Догматамъ въ Государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ Князей воинственныхъ, которые хотѣли имъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцомъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ? То есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастію же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразум-

ной системѣ: Магометане, язычники покланялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили Христіянъ Восточной Церкви быть Папистами: говоримъ о зачалѣ такъ называемой *Уніи* въ Сигизмундово время, произшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники. . . . . .

Въ счастливое царствованіе Алексія мы легко пріобрѣли Кіевъ съ Малороссіею отъ насилія Уніатовъ.

Такимъ образомъ Іезуитъ Антоній, Король Сигизмундъ и Папа Клименгъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу Западной Церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

«Видя въ торговлѣ средство обогащенія для Казны (говоритъ Флетчеръ) и мало заботясь о благосостояніи своего купечества, Цари вообще недоброхот-

сивуюпъ и народному образованію; не любятъ новостей, не пускаютъ къ себѣ иноземцевъ, кромѣ людей нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяютъ поддан-ными выѣзжать изъ отечества, *боясь просвѣщенія*, къ коему Россіяне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣтнаго и въ самыхъ дѣтяхъ: одни Послы или бѣглецы Россійскіе являются изрѣдка въ Европѣ.» Сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обычая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и самовлас-ный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Европѣ. Иноземцевъ же дѣй-ствительно пускали къ намъ съ разбо-ромъ, и благоразумно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Ита-ліанскаго Графа Шкота, какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка. Лю-дей ученыхъ мы не отвергали, но звали

къ себѣ: на примѣръ, славнаго Математика, Астролога, Алхимика, Джона Ди, коего Елисавета Англійская называла *своимъ Философомъ*, и который находился тогда въ Богеміи: Ѳеодоръ, чрезъ Лондонскихъ купцевъ, предлагалъ ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно 1000 рублей, столъ Царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на Сѣверо-Востокѣ, за Сибирію; но вѣроятнѣе, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцовскою тайною мыслію уже готовимаго къ Державству? . . . .

Постоянно слѣдуя правиламъ Іоанна III; золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки Европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, Приказныхъ, коимъ самое Дворянство завидовало въ ихъ важности Государственной, Цари

безъ сомнѣнія не боялись просвѣщенія, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги — вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ — служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію *первой Россійской Геометріи*.

Къ сему времени относимъ и *первую Россійскую Ариѳметику*, писанную не весьма ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной Философіи* нельзя быть ни Философомъ, ни Докторомъ, ни гостемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно снискать великую милость Государеву.

Поле словесности не представляетъ намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Годунова; но языкъ украсился какою-

по новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно только въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ Писателямъ и самаго Іоанна, какъ творца плодовитыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укорительныхъ и насмѣшливыхъ? Въ слогѣ его есть живость, въ Діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка въ смыслѣ правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Ѳеодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара.

Можетъ быть относятся ко временамъ Ѳеодоровымъ или Годунова и старыя пѣсни Рускія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ Царицы Анастасіи), о злодѣе Малютѣ Скуратовѣ, о впаденіяхъ Ханскихъ въ Россію. Очевидцы раз-

сказываютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ происшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ: но духъ остается, съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка — и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человѣкомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками.

Внѣшняя Политика Годунова (Царя) была вообще благоразумна, не чужда властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительная*, нежели *стяжательная*.

Современники единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ Государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже *Университеты*, чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать намъ и привести въ Москву Профессоровъ и Докторовъ.

Ученый Фидлеръ, въ похвальномъ словѣ Царю, превозноситъ въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и *чистоту правовъ*. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному

сыну, котораго онъ любилъ до слабости, ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ. Готовя въ сынѣ достойнаго Монарха для великой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему права ходатая, заступника, умирителя, ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Но время приближалось, когда сей му-

дрый Властитель, достойно славимый когда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предвѣстниками были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли

Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь Отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая

преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, чтимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ Государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, *любила* своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія, или сомнѣваясь въ оном!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро на-

чалъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ и вечерняхъ за чашами*, о душевномъ спасеніи и плѣсномъ здравіи Царя (гдѣ превозносились его добродѣтели)! То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣрі-

емъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника! . . . Но Годуновъ, какъ бы не спрашась Бога, тѣмъ болѣе спрашился людей, и еще ударовъ Судьбы; до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ; искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, превожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лице-

мѢріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы,

извѣтники, Духовенство, какъ увѣряютъ, хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками благоволенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, некорыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: *они уже не любили Бориса!*

Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовымъ царствомъ двадцати четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествуетъ испроверженію Го-

сударсивъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или мучительное возрожденіе.

Ирина скончалась въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, приспроенной къ ея смиренному жилищу. Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ — и добродѣтельная; первая *Державная Царица* Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ Монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его

тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою немную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи... Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ сперегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъ-естественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію.

Такъ (*чрезъ записку найденную Спаскимъ Архимандритомъ*) въ пер-

вый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

. . . . . .

Что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего нельзя было имъ требовать отъ благодарности Лже-Димитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда ошвергало духовную

власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междуусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію.

Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыя бѣглымъ разстригою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ

для Бориса и любезнымъ для Россіи!

. . . . . .

Быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ спарый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ, естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутыв-

ваенся въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожъ съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана, будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ Государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ стро-

го людямъ ранныхъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшитъ въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ!

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса*! Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти, и явно ложными показаніями запутавъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Нелымѣ; но нѣмъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. . . . . Угрозы и наказанія недѣль въ

шесть соединили до пятидесяти тысячь всадниковъ въ БрянскѢ, вмѢсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ Царя, *коего любила Россія*!

. . . . . .

Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство, а всѢхъ болѢе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы унынiемъ и разслабленiемъ духа не предвѢстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѢрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенанiемъ. Онъ не имѢлъ утѢшенія чистѢйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго ПровидѢнія, служа только идолу властолюбія: хотѢлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убiенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѢяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѢтеннаго злодѢйствомъ. Въ такомъ ли расположенiи

души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, испощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, вос-

пріять Ангельской образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами... (*).

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ былъ тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое знаменіе Христіянства: образъ Того, Кто не от-

---

(*) Здѣсь приведено повѣствованіе для того, чтобы мнѣніе Автора о причинахъ смерти Царя было утверждено самыми подробностями оной.

Издатель.

вергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія!... Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти не сомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — по всего вѣроятнѣе, чрез ударъ, а не ядъ прекратилъ

бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за Государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омѣрзеніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго (*Кн. Ив. Петр. Шуйскаго*) въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую

клеветникамъ-доносителямъ; видишь систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ Государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ, или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на время благоустроилъ Державу, на время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добы-

чу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

Годуновъ былъ однакожъ Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою, и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣденіями не обыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ: узналъ и сладость благодѣянія,

всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію. Чего нельзя было ожидать Государству отъ такаго Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Ѳеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и спрашась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

—⁂—

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ мы видѣли въ роковый часъ его жизни (*); не вѣрилъ

(*) Басмановъ имѣлъ твердость до послѣд-

Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь мужественно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Ѳеодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Расстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ униженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками? Но полки еще клялися именемъ Божіимъ въ

ней минуты жизни защищать Отрепьева, одинъ противъ всего народа Московскаго, въ день своей и Самозванцевой смерти.

вѣрности къ Ѳеодору : какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска. Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Ѳеодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ возведенный на Царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною — и кто могъ запимить Басманова достоинствами личными? Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ

бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума Государственнаго: Ѳеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суемудріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго Вѣценосца Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лже-Димитрія на путь добра и милости; обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ — ея счастіемъ! Можетъ быть Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ, для выгодъ своего често-

любія; можетъ быть онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Воеводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору (ибо никто не дерзнулъ быть первый мятежникомъ), но большею частію съ нехотѣніемъ или съ унынiемъ. И тѣ, которые доколѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены нежданною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство, что не самозванецъ, а дѣйствительно наслѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ они думали — несомнительно благоволитъ о немъ и ведетъ его чрезъ могилу хищника на царство.

Все было въ волненіи, не ужаса, но радости. Изчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель

Царю и народной чести. Ѳеодоръ — какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже не многихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами. Можетъ быть зломысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву наканунѣ ея закланія: обманывали Ѳеодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры не дѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и

невинности, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ кляпвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣпеніе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ: грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу; наконецъ не усперегли — и въ одинъ часъ все совершилось!

Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ

счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Казака разбойника и слуги Пана Литовскаго въ три года ставъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства.

(*Послѣ умерщвленія Лже-Димитріа и Ляховъ*). Еще улицы дымились кровію и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая пренъемъ!

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и ко-

зиями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, обагренные кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго; вторый Боярин мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами.

Должны ли мы еще увѣрять внимательныхъ читателей въ обманѣ Лже-Димитрія? Не явна ли истинна сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительно сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный.

. . . . . .

Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство (*въ Угличѣ*) совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко видавъ Димитрія въ церкви, обманулись въ убитомъ, коего пѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичъ убитъ въ полдень: кѣмъ? Злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго

младенца. . . И кто предалъ его на убіеніе? Мамка: отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допросами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Естли Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? Для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію не возможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лже-Димитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ: слѣдственно нельзя съ вѣроятностію предположить,

чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не прудить себя вымысломъ *ложныхъ*. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова Царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожъ не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

«Но Царица-Инокиня Марѳа призна-«ла сына въ томъ, кто назывался Ди-«митріемъ?» Она же признала его и Самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, не откровеннымъ, выра-

женнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти: которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая, или дѣйствіе ужасное, столь не естественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой*! И ей не грозили смертію за правду: грозили

единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лже-Димитрія на смерть, Марѳа осуждала и себя на срамъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лже-Димитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокини съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умиряло совѣсть виновной Марѳы. Къ сему приба-

вимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло инаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу.

Возражаютъ еще: «Король Сигизмундъ «не взялъ бы столь живаго участія въ «судьбѣ обманщика, и Вельможа Мни«шекъ не выдалъ бы дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей; Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостію, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ

родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ *торжественно* признать Лже-Димитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулись, можетъ быть, не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаюпся не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и

добродѣтель уединенная.

. . . . . .

Естли бы жизнь и Геній Баторія не угасли до кончины Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ первомъ десятилѣтіи новаго (XVII) вѣка: сколь зависима судьба Государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напря-

женіемъ силъ и памяти отца необыкновенною славою. (*).

(*) Симъ оканчивается XI Томъ Исторіи Россійскаго Государства, исполненный описанія ужасныхъ бѣдствій отечества. Хотя Историкъ и готовитъ насъ къ плачевнѣйшему, но дѣйствіе сего параграфа, послѣ трехъ сотъ кровавыхъ страницъ, неизъяснимо: читатель отдыхаетъ сердцемъ, какъ человѣкъ, пробужденный страшными сновидѣніями, спѣшитъ притти въ себя и увѣряется, что онъ уже не въ томъ состояніи, въ которомъ былъ за минуту.

Издатель.

КОНЕЦЪ.